

Глава 25

— Может... мне вообще всю жизнь носить то, что тебе нравится?

Всю жизнь.

«Всю жизнь».

Услышав это слово, Сюй Цыань словно провалился в ледяную бездну. Тело пробила непроизвольная дрожь.

В этот момент перед глазами промелькнул карманный призрак. Его алый свет резанул по затуманенному взору, словно фейерверк, внезапно распустившийся в крошечной темноте ночного неба.

Сюй Цыань невольно вспомнил ту ночь пятилетней давности.

Тогда звенел канун Нового года, и над Небесами Пурпурной Кости гремели оглушительные салюты.

Ли Наньюань обмолвилась, что Гун Чэнь покинул орден сразу после захода солнца. Ушел тихо, без лишнего шума — об этом знали только глава и несколько старейшин.

«Ушел на закате. Но ведь тогда на горных тропах и шагу нельзя ступить, не оступившись в темноте».

Сюй Цыань сидел один в темном углу, опустив голову, и мелкими глотками пил вино.

«Горькое. Слишком горькое».

Он недовольно поморщился.

— Шисюн Сюй! — окликнул его один из младших учеников за соседним столом. — Ты же сам позвал нас выпить, чего сидишь там в одиночку?

— Оставьте меня.

Но парень не унимался, настаивая со всем юношеским задором:

— Да ничего страшного, если ты не умеешь пить! Мы же смеяться не станем, иди к нам...

Сюй Цыань даже глаз не поднял:

— Проваливай.

Лишь после этого за столом разочарованно замолчали.

Спустя мгновение там снова завели привычные разговоры: кто в этом году совершил подвиг, кто знатно опростоволосился... Послышался безудержный смех.

Всё равно шумно.

Но не выгонять же их взащей. Сам ведь созвал, а теперь прогонять — не дело.

Сюй Цыань отхлебнул еще пару раз, подхватил покачивающийся кувшин и вышел прочь.

Снаружи тоже вовсю гуляли люди. Пахло кострами, жареным мясом и вином, к небу поднимались тонкие струйки белого дыма.

Он ушел подальше от толпы. По дороге ему повстречался человек, несущий целую связку бумажных фонарей.

— Цыань? — удивленно окликнул его путник. — Куда это ты собрался на ночь глядя?

— Старейшина совета, — Сюй Цыань вежливо поклонился, не выпуская из рук кувшина. — Приветствую вас.

«Кто это предо мной? С каких пор Сюй Цыань стал таким послушным?»

Старейшина совета опешил. Приподняв фонарь, он присмотрелся к юноше и вдруг понимающе протянул:

— А-а, так ты пьян.

«Погодите-ка... Но ведь Сюй Цыань вообще не берет в рот хмельного!»

Пока старейшина судорожно сомневался в собственной памяти, Сюй Цыань ткнул пальцем в его носу:

— Скажите, а почём эти фонари?

— Они не для продажи, я приготовил их в подарок, — закашлялся старейшина, его пожилые щеки заметно порозовели. — Впрочем, если тебе так приглянулся, возьми один.

— Благодарю.

Сюй Цыань выбрал самый яркий. Взамен он всучил старейшине свой кувшин с вином и напоследок бросил:

— Фонарями старейшину Хунье не завоюешь. Лучше выпейте с ней. Ик. Прощайте.

И под возмущенные, полные стыда и ярости крики старейшины он не спеша стал спускаться по темной горной тропе.

Повесив фонарь на самое видное место, он уселся прямо под ним на каменные ступени. Холодный ветер хлестал по лицу.

«Жду, пока хмель выветрится из головы. За спиной шумит праздник, а впереди — лишь глухая пустота. Оказывается, каково это на вкус».

Бог знает сколько времени прошло, прежде чем фонарь внезапно погас.

Слабый, едва заметный лунный свет упал на скалу, очертив сзади густую черную тень.

— Шисюн, — раздался над головой холодный, безучастный голос. — Что ты здесь делаешь?

Сюй Цыань молчал пару секунд, проверяя, не разыгралось ли его пьяное воображение, после чего отозвался:

— А сам как думаешь?

— Мог бы и не спрашивать, — всё так же бесстрастно бросил тот. — Я пошел.

Чужие шаги начали удаляться. Но стоило фигуре поравняться со ступенями, как Сюй Цыань негромко произнес:

— Жду тебя.

Он протянул руку и ухватился за край чужого плаща:

— Мне казалось, это очевидно.

Должно быть, вино сделало его до неприличия откровенным.

Шаги затихли прямо перед ним.

— Ждешь меня?

Мужчина обернулся. Глубокий черный капюшон скрывал большую часть лица, оставляя на виду лишь четко очерченную, суровую линию подбородка.

— Стоило мне уйти, как шисюн закатил пирушку для соучеников. Похоже, ты только и мечтал, чтобы я поскорее убрался. Называть это «ожиданием»... Больше похоже на то, что ты просто любишься луной.

«Он похудел. Сильно похудел».

Сюй Цыань сам не понял, как разглядел это в темноте, но на сердце болезненно защемило.

— Я не лгу тебе, — тихо проговорил он. — Мне просто захотелось выпить, вот я всех и позвал. Но вино оказалось отвратным. Горькое-горькое.

Мужчина помедлил:

— И сколько ты выпил?

— Не знаю, — выдохнул Сюй Цыань. — Но язык до сих пор горчит. Смотри.

Он слегка приоткрыл рот и показал кончик языка.

Собеседник глубоко вдохнул, его брови едва заметно дрогнули.

— И где же эта горечь?

— Я её не чувствую, — Сюй Цыань уставился на него затуманенным взором и прошептал: — Попробуй сам.

—...

Гун Чэнь на секунду поднял глаза к небу, беззвучно хмыкнул, а затем резким движением вжал Сюй Цыаня в каменную стену, намертво зафиксировав его плечи.

— Зная, что хмелеешь с одной чарки, набраться до такого состояния... Да еще и говорить подобные бесстыдные речи перед шиди, которых терпеть не можешь. Тебе совсем неведомо чувство стыда?

Из-за резкого толчка капюшон скользнул назад. Лунный свет упал сбоку, разделив его красивое, но бледное лицо на резкие полосы света и тени.

Гун Чэнь смотрел сверху вниз, его потемневшие глаза тонули в глубокой тени. Он медленно, чеканя каждое слово, произнес:

— Ты думаешь, я остался прежним? Что стоит тебе приоткрыть рот и улыбнуться, как я тут же потеряю голову?

— Этому не бывать, — он смерил Сюй Цыаня холодным, безучастным взглядом, скользя по покрасневшимся от хмеля щекам. — Я давно к тебе ничего не чувствую.

Сюй Цыань закусил губу, в его глазах промелькнула унижительная обида:

— Хватит... Отпусти меня.

Сюй Цыаню показалось, или ресницы Гун Чэня действительно едва заметно дрогнули?

— С твоим-то уровнем самосовершенствования тебе нужно мое разрешение, чтобы освободиться? Если тебе так противно, почему не сделаешь как раньше — просто не развернешься и не уйдешь?

— Мой дорогой шисюн, что с тобой сегодня? Стоило выпить, и весь твой норов куда-то испарился?

Мужчина прижимался к нему всё сильнее, его голос опускался до вкрадчивого шепота. Наконец он прикусил чувствительный хрящ на его ухе и с тихой усмешкой выдохнул:

— А может, тебе просто нравится, когда я так с тобой поступаю?

Сюй Цыань вздрогнул всем телом.

«Не нравится. Ни этот холодный взгляд, ни издевательский тон, ни эти бесцеремонные прикосновения».

Но интуиция подсказывала ему: оттолкни он этого человека сейчас — и больше никогда не сможет вернуть.

— Мне не противно, — прошептал Сюй Цыань, его губы побелели от напряжения. Он перестал сопротивляться и позволил Гун Чэню удерживать себя. — Пусть Цыгутянь прогнал тебя... Но я тебя не прогонял.

— Вот оно как...

Гун Чэнь прикрыл глаза, а когда открыл их снова, в них заплескалась темная, мутная бездна.

— Тогда тебе придется ответить за свои слова.

В следующее мгновение его ладонь скользнула вниз.

Вокруг царил мрак, но тишины не было. Сюй Цыань отчетливо слышал, как сверху, со стороны ордена, доносились крики: «Куда делся этот сумасшедший, который разворотил столы?», «Найдите его!...»

Когда голоса приближались, он изо всех сил сжимал челюсти, боясь издать хоть единый звук.

Если не считать того поцелуя в Тяньлине два года назад, за все свои двадцать один год он ни разу не сблизился с кем-то настолько близко. Он ничего не смыслил в этом и безумно боялся.

Но Гун Чэнь и не думал проявлять нежность. Он просто прижимал его к ледяному камню, даже не пытаясь поцеловать. Сюй Цыань и не надеялся на ту осторожность, с которой Гун Чэнь целовал его когда-то. Он молил лишь об одном — чтобы их никто не увидел.

«Темнота... Она скрывает всё. Прямо как маска, которую я носил в детстве».

Холодная, широкая ладонь бесцеремонно забралась под распахнутые полы верхнего одеяния. Морозный воздух коснулся разгоряченной кожи, заставив тело покрыться мурашками.

Пустынная горная тропа. С одной стороны — глухая чаща, с другой — обрыв. И всё вокруг затоплено чернильной тьмой.

Страшно.

Сколько еще это будет продолжаться?

Сюй Цыань застыл, и в его мыслях впервые шевельнулась малодушная слабость.

Ближе к полуночи над вершиной Цыгутянь с грохотом разорвался первый новогодний фейерверк.

Сюй Цыань с опозданием вскинул голову и увидел, как в черном небе распустился алый бутон огня.

И одновременно с этим грохотом чужой палец сквозь тонкую ткань одежд грубо, властно и без капли нежности проник внутрь.

В голове Сюй Цыаня воцарилась звенящая пустота.

Наступил первый день нового года.

Вслед за первым залпом небо расцветили тысячи новых взрывов. Небосвод содрогался от грохота, а разноцветные вспышки залили всё вокруг ярким, почти дневным светом.

Этот свет безжалостно сорвал с лица Сюй Цыаня невидимую маску, обнажая каждую его эмоцию.

Стыд, унижение, животный страх... Всё это яркими красками отразилось на его лице.

Ему казалось, что он задыхается.

Гун Чэнь, стоявший спиной к небу, молча смотрел на него.

В сполохах салютов его лицо то тонуло во мраке, то заливалось светом. Наконец он глухо спросил:

— Продолжим?

Сюй Цыань едва шевельнул губами:

— Ублюдок.

Гун Чэнь коротко усмехнулся и показал ему свои пальцы:

— Надо же, шисюн готов возбуждаться даже от пса...

Договорить он не успел.

Они сцепились в яростной драке.

Спустя минуту Гун Чэнь снова подмял его под себя, тяжело дыша и хмурясь:

— И это всё, на что ты способен? Где твоя былая сила?

С этими словами он потянулся к его духовному средоточию, намереваясь проверить каналы совершенствования.

Хлесткий шлепок!

Сюй Цыань ударил его по руке так сильно, что его собственная ладонь покраснела. Растрепанный, с воспаленными глазами, он прохрипел:

— Коснись меня еще раз, и я убью тебя. Лично искромсаю на куски.

Гун Чэнь от удара лишь повел головой и промолчал.

Внезапно издалека донесся чей-то крик:

— Там кто-то есть! Живо туда!

Только тогда Гун Чэнь шевельнулся и не торопясь натянул капюшон на лицо.

— Больше не жди меня с фонарем, — тихо произнес он. — Я терпеть не могу фонари. Я не собирался приходить, но сегодня... особенный день.

— С днем рождения, шисюн.

— И еще, Сюй Цыань, — его голос упал до шепота, — давай больше никогда не увидимся. Всю оставшуюся жизнь.

...

Это были последние слова, которые Гун Чэнь лично сказал ему пять лет назад.

«Всю оставшуюся жизнь».

От этих слов до сих пор веяло могильным холодом.

— Ты тогда сказал «всю жизнь», — Сюй Цыань откинул голову на плечо Гун Чэня и искоса

посмотрел на него. — Неужели думал, что я не восприму это всерьез?

— Шисюн и должен был воспринять это всерьез, — Гун Чэнь слегка повел плечом, устраивая чужую голову поудобнее, и мягко ответил: — Если бы я не собирался сдержать слово, я бы не стал этого говорить.

Сюй Цыань на мгновение растерялся.

И ведь действительно сдержал. С той самой ссоры пятилетней давности и вплоть до того дня, когда Гун Чэня опустили в гроб... он ни разу не попытался его найти.

— Раз так... теперь скажи, что останешься со мной на всю жизнь, — Сюй Цыань мягко обхватил ладонями лицо Гун Чэня и потянул на себя. — И поцелуй меня.

Ему было жизненно необходимо это обещание.

Гун Чэнь оцепенел.

«Но имею ли я право обещать? То, что я не мог позволить себе тогда... могу ли позволить сейчас?»

Сюй Цыань словно читал в его душе:

— Не думай о том, можешь ты или нет. Я спрашиваю: ты этого хочешь?

У Гун Чэня пересохло в горле:

— Хочу.

Он медленно потянулся к лицу Сюй Цыаня, но в последний момент робко замер, не решаясь коснуться его губ.

Напряжение на лице Сюй Цыаня спало, он уже сам хотел податься вперед, как вдруг между ними раздался пронзительный визг.

Прямо под ключицей Гун Чэня внезапно распахнулось огромное призрачное око. Оно возбужденно завертелось из стороны в сторону:

— Сестрица! Сестрица пришла!

Оба юноши разом повернули головы на запад.

Оттуда, лениво покачивая каким-то свертком в руке, неторопливо вышагивала Ли Наньюань.

— Ба, знакомые всё лица, — протянула она с усмешкой.

Гун Чэнь мгновенно отпрянул и выпрямился, приняв самый благообразный и благочестивый вид:

— Приветствую вас, шифу.

Сюй Цыань, чья спина вмиг лишилась тепла и опоры:

—...

Ли Наньюань красноречиво скользнула взглядом по припухшим губам ученика, хмыкнула, но развивать тему не стала. Вместо этого она поднесла пойманную призрачную деву за шиворот к призрачному оку на шее Гун Чэня и лениво скомандовала:

— А ну, девица, заberi свою сестру.

Ин Вань, уже изрядно побитая и лишившаяся всякой спеси, бросила на Гун Чэня полный обиды взгляд. Она прикусила палец до крови и ткнула им в призрачное око:

— Назад.

Око тут же скользнуло по струйке крови к ней на ладонь, перебралось на предплечье и послушно устроилось на лице Ин Вань.

Гун Чэнь почувствовал укол вины.

Вообще-то перед тем, как сорвать свадьбу, они с Ин Вань договорились встретиться у Тигриной горы. Но поскольку Сюй Цыань всё еще спал, Гун Чэнь побоялся, что тот проснется один и разозлится, поэтому попросил Ли Наньюань забрать призрака и привести сюда.

А характер у его наставницы был тот еще — она горой стояла за своих. Разумеется, она ни за что не спустила бы с рук Ин Вань то, что из-за ее козней Сюй Цыань едва не лишился жизни.

Глядя на разукрашенное синяками лицо Ин Вань, Гун Чэнь с трудом сглотнул. Шифу бьет без жалости. Хорошо, что он сам успел вовремя сориентироваться.

— Старейшина Цюньюэ, — упавшим голосом прошептала Ин Вань. — Теперь-то вы меня отпустите?

— Разумеется... нет, — протянула Ли Наньюань. — Я еще не до конца довольна.

— И чего же вы хотите?

— Требование у меня только одно, — отрезала Ли Наньюань. — Заключи с ним контракт хозяина и слуги.

— Контракт хозяина и слуги?! — лицо Ин Вань исказилось от ужаса. — Я признаю свою вину, но я сделала всё, чтобы исправить содеянное! Вам не кажется, что вы переходите все границы?

— Ни капли не перехожу, — Ли Наньюань крепко ухватила её за загривок и холодно процедила:

— Во-первых, если бы хоть с одним из моих мальчиков что-то случилось, ты бы не расплатилась даже ценой десяти своих жизней за один их мизинец. Во-вторых, я прослышала, что ты хотела обменять доказательства сговора семьи Дуань с призраками на ответную услугу моего ученика. С моей точки зрения, эта сделка ему даром не сдалась. В конце концов, мести жаждешь ты, а не мы.

Она смерила ее ледяным взглядом:

— Такие, как ты, вызывают жалость, но одновременно и глубокое омерзение. Сама отомстить не в силах, вот и губишь невинных направо и налево. Если не готова проявить искренность, убирайся к чертям собачьим и не смей виться вокруг моего ненаглядного ученика.

Эта тирада, выданная на одном дыхании, заставила Ин Вань густо покраснеть от стыда, а Гун Чэня — окончательно растеряться.

До этой минуты он был уверен, что Ли Наньюань обрушила свой гнев на Ин Вань исключительно ради шисюна.

Но оказалось... дело было не только в нем.

Она заступалась и за него тоже?

Щелк!

Чья-то ладонь легонько опустилась на его макушку, прервав мысли.

— Ты чего застыл? За твоей спиной такая опора, — Сюй Цыань усмехнулся, глядя на него, — а ты стоишь с таким видом, будто напроказил.

— Я... я просто не знаю, шисюн, — пробормотал Гун Чэнь. — Непривычно как-то.

— Да брось ты эти глупости, — строго вмешалась Ли Наньюань. — Разве ты не знаешь, каково главное правило для невестки в нашей семье?

Н-невестки?

Уши Гун Чэня вспыхнули алым цветом. Он судорожно сглотнул:

— Почитать старших и во всем угождать мужу?

— Неверно! Пользоваться тем, что тебя любят, и бессовестно наглеть.

Ли Наньюань беззлобно рассмеялась:

— Кому сдались твои угождения? Ты ведь сам о себе позаботиться не можешь, горе луковое.

Гун Чэнь растерянно моргнул:

— А?..

Он посмотрел на Сюй Цыаня, отчаянно пытаясь понять, шутят над ним или нет.

Но договорить ему не дали. Сюй Цыань бесцеремонно притянул его за шиворот к себе и коротко коснулся его губ мягким поцелуем.

— Что еще за «а»? — лениво похлопав его по плечу, произнес Сюй Цыань. — Говори: «Всё понял».

Гун Чэнь закусил губу, переводя взгляд с Сюй Цыаня на Ли Наньюань. И вдруг, опустив голову, не сдержался — из его глаз беззвучно покатилась крупная слеза.

— Всё понял, — тихо выдохнул он.